

Катерина Трапи

ХОЗЯЙКА ДЬЯВОЛА

Катерина Траум

ХОЗЯЙКА ДЬЯВОЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

НА ШКОЛЬНЫХ УРОКАХ литературы нас часто заставляли читать книги, язык которых так же сильно устарел, как и мир вокруг персонажей. Поэтому с классикой знакомиться так тяжело — продираться через архаизмы и пытаться понять менталитет и проблемы людей, живших в ином столетии. Признаться, сколько раз вы, как и я, ограничивались кратким содержанием перед уроком, лишь бы не погружаться в пучину нудных «быть или не быть»?..

Но современные авторы задали новую тенденцию, сумев адаптировать стиль, соединить дух прошлого и настоящего. Сегодня исторические романы получают новое дыхание. История в разные периоды времени — это невероятная атмосфера эпохи и обстоятельства, которых не может быть в современности. Это эстетика и стиль, заданные такими сериалами, как «Бриджертоны», «Аббатство Даунтон», «Острые козырьки». Именно в такой антураж я приглашаю тебя, дорогой читатель. Окунуться в мир Британии начала XX века: уже затонул в Атлантике «Титаник», но еще не началась Первая мировая война...

А может, в этом мире ей не суждено начаться? Взяв из истории самое лучшее — настроение, факты, культуру и дух времени, я внесла свои законы, которые и легли в основу сюжета. Вышла некая альтернативная Великобритания периода 1912–1913 годов, основными особенностями которой являются сохранившееся с древних времен рабство и право на убийство из самозащиты.

Конечно, как и в реальном мире, общество развивалось и в романе и люди не могли сохранить представление о владении другими людьми в его изначальной, дикой форме. Поэтому рабство в сеттинге истории носит исключительно добровольный характер, касается только совершеннолетних и закрепляется контрактом между хозяином и рабом. В этом документе прописываются все условия, включая срок действия, возможные варианты использования раба и запреты.

Закон о Праве предоставляет любому человеку возможность защищать себя, свое имущество и близких людей без последствий в виде тюремного заключения или иного наказания. Кроме того, Право можно дать — подписать разрешение на собственное умерщвление, что актуально для мучающихся от тяжелой болезни или для гладиаторов, выходящих на смертный бой.

Обо всех остальных нюансах псевдоисторического сеттинга подробнее можно узнать из текста.

Также важным художественным допущением стало исключение акта о супрематии. То есть описываемая Британия все еще католическая, ведь в реальной нет ни монастырей, ни аббатств: все церковные владения присвоил (а впоследствии награждал ими феодалов) король Генрих VIII, отделив англиканскую церковь от католической.

Для чего эта правка была внесена, раскрывать не стану, ведь вас ждет непростая история, полная детективных загадок, борьбы с устаревшими устоями, экшена и противостояния двух сильных характеров. И конечно же, любви. А архаичность языка оставим школьной классике, ведь это современный роман для современного читателя.

ПОКУПКА

НЕ ТАК-ТО МНОГО в тихом Нью-Биллингтоне и его окрестностях проживало людей, чей кошелек позволял бы присутствовать на этом аукционе. Большого зала в ратуше не понадобилось, хватило совсем скромной комнатки, вмещающей четыре ряда обитых бордовым велюром стульев, невысокую полукруглую сцену для презентации товаров и блестящую от лака трибуну, с которой пухлый мужичонка с моноклем в глазу однообразно вещал:

— Продолжаем распродажу имущества почившего барона Глашера... Следующий лот — статуэтка индийской богини Кали, предположительно тринадцатый век. Бронза с золотым напылением, вес — пять с половиной фунтов, высота — три хэнда, начальная цена — три тысячи фунтов стерлингов...

Сандра скучаяще зевнула, едва успев прикрыть рот ладошкой в белой атласной перчатке. Дождаться нужного ей лота оказалось не так-то просто: торги шли медленно и лениво, а в душном помещении от запахов разнообразных парфюмов и табачного дыма уже кружилась голова. На стульях восседали такие же уставшие лорды в строгих костюмах, то и дело прикладывающиеся к трубкам или достающие часы из карманов на полных, как у жуков, брюшках. Их леди, радующиеся возможности выгулять в свете сшитые по жестокой французской моде «хромые

юбки» всех возможных оттенков, небрежно обмахивались веерами и сплетничали вполголоса с соседками. Их вычурные цветастые шляпы с огромными полями сильно мешали обзору, поэтому Сандра далеко не сразу разглядела все лица. И даже вздрогнула, когда компаньонка Полли склонилась к ее уху и зашептала так жарко, что заболталась в мочке длинная бриллиантовая серьга:

— Он здесь! В первом ряду, и, кажется, не один...

Сандра проследила за ее взглядом и не без горечи подтвердила: заливчато закинувший ногу на ногу рыжеватый джентльмен в кофейно-коричневом пиджаке действительно Рори Делавер. Вот уж кого ей точно не хотелось увидеть сегодня, тем более под ручку с нежной юной особой в розовом платье с летящими рукавами-крылышками.

— Отпустил бородку. Ему не к лицу, сразу прибавил лет пятнадцать, — фыркнула Сандра, про себя добавив: «Зато все так же падок на блондинок».

Она слотнула, спешно переключив внимание на молоток аукционера, пока Рори не поймал ее за изучением его новой пассии, о которой, как ни больно признавать, она не могла сказать ничего дурного. Девушка была идеально мила и хороша собой, с этой скромной прической и розой в золотых волосах, всего на тон темнее оттенка самой графини Де Росс. И где только красotka умудрилась вырастить цветы в середине зимы?

— А она уж слишком сладкая, — заботливо подхватила пышка-болтушка Полли, не упуская возможности перемыть косточки бывшему жениху подруги. — Прямо зубы сводит. На лбу написано: готова рожать десять маленьких Делаверов и лизать пятки смердящему старикану графу.

Сандра заставила себя улыбнуться уголком ярко-малиновых губ: попытка поднять ей настроение не удалась, но за нее стоило быть признательной. Именно ультиматум отца Рори расстроил их помолвку полтора года назад, а также полное нежелание молодой леди Де Росс мириться с патриархальным укладом семьи жениха. Она бы не смогла жить после такого лицемерия: продолжать регулярно писать в местную газету «Нью Ворлд» революционные статьи в защиту прав женщин, а самой пресмыкаться перед авторитарным свекром и смиренно отдать все унаследованное от отца состояние в распоряжение мужа. Да уж, за принципиальность ей приходилось платить пугающе часто.

Аукцион продолжался, и грустные воспоминания Сандра заглушила парой глотков шампанского, которое любезно пронес мимо рядов официант. Игристое охладило нутро, стянутое спазмом обиды. Полли продолжала нашептывать на ухо, как отвратительна спутница Рори, но толком слушать ее не получалось из-за стука молотка по трибуне и собственных печальных мыслей.

Например, о том, что вообще-то Де Россы и Делаверы равны в титулах и богатстве. И это Рори мог бы оставить семью и положение ради нее, пойти против отца... Если бы впрямь любил, а не изображал интерес. Если бы она была для него не просто выгодной невестой, а необходимой сердцу. Если бы хоть один из его мокрых поцелуев был настоящим, как и та бездарно потраченная ими обоими дождливая летняя ночь.

— Что мы тут забыли? — вдруг вздохнула Полли и последовала примеру подружки, пригубив шампанское. — Неужели тебе нужно что-то из барахла этого скряги?

— Да брось, По. Я тут только из-за Торнадо и готова выложить за этого жеребца любую сумму, — пояснила Сандра и вздохнула, когда аукционер за трибуной огласил покупателем нового лота — гигантского портрета короля Георга — ее соседа, вдовца лорда Тилоуша.

Она была уверена, что давно положивший глаз и на ее конюшни, и на саму наследницу знаменитого рода заводчиков лошадей дражайший соседущка тоже пришел за лучшим скакуном города. Да что города, потомственный арабский иссиня-черный жеребец успел прославиться до самого Лондона своим небывалым успехом на скачках. Лучшее, что было у барона Глашера в имуществе и что так сильно хотелось заполучить. Ах, если бы Торнадо вошел в табун Де Росс да в идеале осеменил бы парочку ее породистых лошадок! Это моментально взвинтило бы цену потомства до небес. Да и поучаствовать в забеге с таким конем было бы нелишним для преумножения богатств графини и стало бы отличным шансом доказать всем ханжам, что она достойна своего имени и титула. Достойна покойного отца.

Но Торнадо не стал следующим лотом. Вместо него из-за деревянной ширмы на сцену вальяжно ступил рослый смуглый мужчина с непослушными, иглами торчащими черными волосами, словно их обрубил топором. На широких плечах болталась грубая холщовая рубаша до самых колен, похожая на мешок с дырой для головы и рук, коих не могла прикрыть, и развитые мышцы под бронзовой кожей моментально привлекли внимание всех местных кумушек, смущенно захихикавших в платочки. Густые брови на лице незнакомца росли под таким острым углом, что оно казалось бесконечно

хмурым и злым, хотя и не кривилось. Блеклые серые глаза лишь мельком пробежались по рядам, но этого хватило, чтобы уловить источаемое ими презрение к окружающим. Как будто перед ним не люди, а пустые болванчики, которым так и хотелось поотрывать головы.

— Лот тридцать восемь, трудоспособный раб, — не колеблясь объявил аукционер и тем же безразличным тембром зачитал текст с бумажки в руках: — Возраст двадцать пять лет, несовместимых с работой увечий не имеет, родственников тоже. Известен успехами на арене, что подтверждают отметины на спине... Кхм, продемонстрируйте, будьте любезны, — обратился он к рабу, оторвав взгляд от листка.

Тот едва заметно дернулся, на давно не бритых скулах заиграли желваки тщательно маскируемого раздражения. Но все же стянул рубаху и неспешно, будто нехотя повернулся к зрителям спиной, покрытой черными полосами татуировок. Просто палочки, набитые под углом от плеч, боков и поясицы к позвоночнику, перечеркнутые рядами. Как если бы кто-то считал дни в невидимом календаре. Палочек было много, и раб вдруг сам огласил низким, тяжелым голосом, в котором ясно ощущалась простуженная хрипотца:

— Каждая отметина — человеческая жизнь, которую я забрал.

Его слова произвели ошеломляющий эффект. Лорды заметно оживились, некоторые уже лихорадочно листали чековые книжки, прикидывая оставшиеся средства. Перекрывая возникший возбужденный шепоток, аукционер довел ажьютаж до предела, объявив:

— Контракт раба бессрочный. Ограничений эксплуатации нет, требования только по стандарту. Начальная цена — сто тысяч фунтов стерлингов.

И пока покупатели наперебой принялись нагонять цену, брови Сандры медленно ползли вверх. Подписать бессрочный контракт в таком молодом возрасте, да еще и не добавив хоть каких-то особых требований... Этот мужчина или отчаявшийся, или сумасшедший. Продал себя с потрохами.

Рабство в Европе давно никого не смущало: оно существовало с древности, а сейчас просто было подведено к нормам морали и ценности человеческой жизни. Любой совершеннолетний мог подписать контракт с будущим хозяином, и действовать вне этой бумаги никто не имел права, вплоть до ответственности перед законом. Прописывалось все досконально: срок действия, доступные варианты эксплуатации, особые требования. По стандарту хозяин был обязан обеспечить рабу кров, достаточное питание и одежду по сезону. Уже это толкало сотни бедняков продавать свою жизнь. С согласия хозяина обычно добавлялись пункты о запрете на телесные наказания и умерщвление, для женщин — на сексуальные или репродуктивные услуги. Рабство всегда было куда выгоднее наемного труда: рабу не надо постоянно платить, не нужно соблюдать никаких его прав, которые предусматривали обычные трудовые отношения. Его можно заставлять работать сутками, можно приказывать что угодно. Это делало спрос на рабов колоссальным, как и предложение. А уж сколько нечистых на руку господ обманывало безграмотных бездомных бедолаг с улиц, подсовывая вот такие варварские контракты!

Но, как говорится, перо сильнее меча. Подписался на бессрочный контракт — будешь носить

ошейник, пока хозяин тебя не отпустит. Разорвать контракт со стороны раба было невозможно, если не оговорен срок его действия. И если хозяину за нарушение условий судья мог впасть штраф или даже тюремное заключение, то самих рабов без особых разбирательств пожизненно отправляли работать в угольные шахты.

Торги за гладиатора шли активно, но после двухсот тысяч понемногу затухли. Все-таки не каждый способен был выкинуть разом такую круглую сумму. Сандра потягивала шампанское, не без любопытства наблюдая за рабом на сцене. Тот уже оделся и, казалось, равнодушно ждал своей участи, сложив руки на мощной груди. По сути, для тех, кого это интересовало, он был таким же удачным вложением, как Торнадо для Сандры. Отличный боец, который мог принести господину солидный куш за особенно удачный вечерок.

И вот, когда цена дошла до двухсот тридцати тысяч, вдруг с первого ряда раздался до боли знакомый бархатный баритон:

— Двести пятьдесят.

На поднятую руку Рори, сжимающую рукоять трости, разом посмотрели десятки пар глаз, включая и леди Де Росс. Она замерла с открытым ртом, пытаясь понять, когда это бывший успел заинтересоваться смертельными боями. Не он ли совсем недавно отзывался о драках за жизнь с осуждением? Или просто лгал невесте, с пяти лет не выносящей вида крови?

— Смотри-ка, Делаверу скучно живет без тебя. Решил разбавить будни экстримом, — хохотнула Полли, прокомментировав происходящее.

Ставку уже перебили, а Сандра лихорадочно кусала губы, съедая помаду, и все сильнее сжимала

ножку опустевшего бокала. Сказать, что в душе пылала обида на то, как ее бросили накануне свадьбы, да еще и через полгода после похорон отца, — не сказать ничего. Она так долго и яростно придумывала планы мести, что сейчас не ожидала настолько легкой возможности. И потому, как только Рори снова поднял цену, без раздумий вскинула руку:

— Двести восемьдесят.

Теперь уже все смотрели лишь на нее, хрупкую блондинку в круглых очках со стянутыми в пучок волосами. Непростительное для высшего общества сиреневое платье-пиджак с атласными лацканами выделяло ее среди настоящих леди, а уж то, что она вступила в торги, вызвало сальную шуточку господина в соседнем ряду:

— Милейшая, женщине не пристало торговаться за раба. Он боец и убийца, а не ублажитель одиноких дам.

— Назовите мне хоть один закон, запрещающий графине иметь раба. А если нет, то закройте рот, лорд Зелман, или одинокой дамой станет ваша вдова, когда я разорю вас до нитки на панталонах, а вы с горя пустите себе пулю в лоб.

Сандра даже не задумывалась, произнося угрозу вслух. Ее с детства бесили эти ограничения, и сейчас по покрасневшему от ярости лицу Зелмана она поняла: заполучить раба — дело принципа и чести. Какую великолепную статью она напишет про этот день, когда вопреки всему случится невиданная доселе для женщины покупка!

Нормы негласные, а не узаконенные — то, что можно нарушать без последствий.

— Ваше хамство...

— Итак, двести восемьдесят, ставка принята, — сдерживая улыбку, перебил возмущенное шипение Зелмана аукционер, глядя на гордо вздернувшую треугольный подбородок Сандру. — Кто больше?

— Двести девяносто, — не сдавался Рори, не поворачивая головы на задние ряды. Интересно, он хоть видел, с кем вел торг?

— Триста, — упрямо перебила Сандра, хотя сумма становилась уже просто феноменальной. Даже за Торнадо она планировала отдать в разы меньше. Да что там, за эти деньги можно прикупить хороший табун из молодняка для обучения скачкам или отстроить новые конюшни.

И кажется, гнаться за этой цифрой не мог уже никто. Лорды вздыхали и убирали чековые книжки, их дамы с любопытством поглядывали то на раба, то на юную графиню, вступившую в мужскую схватку. Аукционер взял обратный отсчет, все выше поднимая деревянный молоток, а Сандра, затаив дыхание, наблюдала за Рори. Как тот потер новенькую бородку, как недовольно посмотрел на раба, как шепнул что-то миленькой спутнице, и та осторожно обернулась, столкнувшись взглядом с соперницей.

Сандре пришлось буквально заковать все бушующие под ребрами эмоции в цепи, чтобы подарить девчужке самую широкую и обаятельную из улыбок, выученных с младенчества. Живая показушность с абсолютным льдом в аквамариново-голубой радужке.

— Продано графине Александре Де Росс за триста тысяч фунтов стерлингов! — торжественно объявил аукционер, так громко стукнув молотком, что у Сандры заняло в висках. — Ваше имя будет вписано в его контракт после оплаты. Наличные, золото, чековая книжка?

ДЕОН

В РОДНОЙ СТОРМХОЛЛ Сандра вернулась затемно, уже хорошенько отрезвев от спонтанного порыва. А потому успела обругать себя на все лады за несдержанность и глупое расточительство. Торнадо на торгах так и не появился, зато за ней теперь плелся по заснеженной дорожке абсолютно ненужный раб, а внутренний карман песцовой накидки буквально прожигал его контракт.

«Триста тысяч... Триста! Отца бы хватил удар!» — только и вертелось в голове графини, а пустой желудок проедало тошнотворным стыдом.

Она обещала умирающему от долгой болезни отцу быть разумной в своих тратах. Да и не была склонна прожигать заработанное поколениями предков наследие зря. Конечно, как и любой любящей ухаживать за собой девушке, ей порой сложно было не скупить всю новую коллекцию Пуаре* разом, но спустить триста тысяч, чтобы уязвить самолюбие бывшего... сплошной стыд.

К нему добавлялась и толика вины: с черного беззвездного неба хлопьями валил щедрый декабрьский снег, а ее спонтанно приобретенный подопечный был одет лишь в тонкие штаны и холщовую рубаху без рукавов, хотя и не жаловался, да и вовсе не проронил пока ни слова. И все же Сандра

* Поль Пуаре — парижский модельер, влиятельнейшая фигура в мире моды первой четверти XX века.

спешила, поднимаясь по высоким каменным ступеням крыльца, где ей уже открывала двустворчатые дубовые двери Нэнни:

— Матерь Божья, Санни, что же так долго! Уже ночь на дворе!

— Прости, сама не думала, что все так затянется. — Сандра мимоходом чмокнула ее в испещренную морщинами щеку и нырнула в тепло и мягкий свет электрических ламп родного семейного гнезда. — Торнадо не было на аукционе! Все абсолютно зря!

— А я знала, что его прикарманит сам мэр Уинслоу до официальной распродажи имущества барона, — фыркнула Нэнни и отступила на полшага назад, выпуская продрогшего раба. — Кхм, позволь узнать, кто этот...

Сандра сняла шляпу и принялась стряхивать с нее снег прямо на паркет, лишь бы спрятать глаза от укора няни. Да, неловко называть кого-либо няней, если самой уже стукнуло двадцать два, но привычку побороть сложно. На самом деле в глубине души Нэнни занимала место матери, которой графиня не знала. Та умерла от родильной горячки, и в поисках кормилицы отец наткнулся на Нэн, чей новорожденный сын не выдержал тягот ее нищенской жизни. Поначалу Нэнни стала кормилицей и няней для малышки, с возрастом — первым советником и другом. В какой-то момент она даже подписала с почившим графом рабский контракт, который был ее гарантом: она так сильно привязалась к подопечной, что относилась к Санни как к дочери и не пережила бы увольнения. Контракт и по сей день хранился у нее самой, и уйти Нэнни была вольна в любой момент, но вряд ли когда-нибудь это сделает.

